

пшеница.

Вотъ вамъ и пропаганда! пропаганда во всякомъ случаѣ болѣе дѣйствительная, чѣмъ абстрактная пропаганда, доступная небольшому числу избранныхъ.

Чтобъ подготовить возстанія, предшествующія великой революціи, надо было приучить народъ выходить на улицу, громко выражать свои взгляды въ общественныхъ мѣстахъ, не бояться полиціи, войска и кавалеріи. Вотъ почему революціонеры той эпохи не пренебрегаютъ ни однимъ изъ способовъ, бывшихъ въ ихъ распоряженіи, чтобъ привлечь народъ на улицу и вызвать скопища.

Они пользуются всякимъ явленіемъ общественной жизни, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ. Когда общественному мнѣнію удастся принудить короля удалить нелюбимаго министра, начинаются празднества и иллюминаціи. Чтобъ привлечь народъ, устраиваютъ фейерверки, пускаютъ ракеты. Если не хватаетъ денегъ, останавливаютъ, по словамъ современниковъ, прохожихъ и „вѣжливо, но твердо просятъ немного денегъ для увеселенія толпы». Какъ только соберется народъ, ораторы начинаютъ говорить, объясняютъ и комментируютъ событія; вскорѣ образуются цѣлые клубы подъ открытымъ небомъ. Войска, явившіяся разсѣять толпу, не рѣшаются употребить насилія противъ этихъ мирно настроенныхъ людей, а фейерверки и ракеты, разрывающіеся въ воздухѣ при радостныхъ возгласахъ и хохотѣ народа, умѣряютъ пыль слишкомъ ревностныхъ блюстителей порядка.

Въ провинціальныхъ городахъ вдругъ показываются на улицахъ трубочисты, которые представляютъ и высмѣиваютъ засѣданіе парламента, на которомъ присутствуетъ король. Раздаются взрывы хохота; толпа весело встрѣчаетъ людей, съ измазанными сажей фізіономіями, изображающихъ короля или королеву. Акробаты и жонглеры собираютъ на площадяхъ тысячную толпу и потѣшаютъ своихъ зрителей забавными разсказами, задѣвающими правителей и богачей. Страсти разгораются, возбужденіе растетъ, и горе тому правителю или богачу, который въ этотъ моментъ попадетъ въ руки толпѣ: онъ будетъ растерзанъ ею.

Лишь бы мысль работала въ этомъ направленіи, — и сколько удобныхъ случаевъ найдеть смышленный человѣкъ, чтобъ вызвать скопища, собрать на улицахъ толпу изъ болтуновъ и насмѣшниковъ вначалѣ, а потомъ изъ людей, готовыхъ дѣйствовать, готовыхъ жертвовать собой, особенно если возбужденіе въ народѣ подготовлено самимъ положеніемъ дѣлъ и отчаянными поступками безумцевъ.

Революціонное положеніе и всеобщее недовольство съ одной стороны, объявленія, вывѣшенныя на стѣнахъ, памфлеты, пѣсни и совершеніе казней надъ изображеніями, съ другой — ободряютъ народъ и придаютъ ему смѣлость; понемногу скопища на улицахъ становятся все чаще и принимаютъ болѣе угрожающій характеръ. Сегодня напали въ темномъ закоулкѣ на парижскаго архіепископа, вчера чуть было не утопили какого то графа или герцога; властей встрѣчаютъ и провожаютъ съ гиканіемъ и свистомъ. Словомъ, проявленія народнаго возмущенія становятся все чаще и разнообразнѣе, и готовятъ день, когда достаточно будетъ малѣйшей искры, чтобъ эти скопища превратились въ мятежъ, а мятежъ въ революцію.

— „Это возстанія черни, возстанія негодяевъ и бездѣльниковъ», — говорятъ теперь наши честные историки.

— Да, это вѣрно, революціонеры буржуа искали себѣ союзниковъ не среди людей состоятельныхъ, которые въ салонахъ поносили правителей, а на дѣлѣ гнули передъ ними спину; въ пригородныхъ кабачкахъ, пользующихся дурной славой, брали они себѣ товарищей, вооруженныхъ дубинами, когда дѣло шло о нападеніи на его святѣйшество парижскаго архіепископа.

IV.

Если бы революціонныя дѣйствія ограничились нападками на отдѣльныхъ правителей и на правительственные институты, не касаясь институтовъ экономическихъ, могла ли Великая Революція быть тѣмъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, всеобщимъ возстаніемъ народныхъ массъ, — крестьянъ и рабочихъ противъ привилегированныхъ классовъ? Продолжалась ли бы революція четыре года? Подняла ли бы она на ноги всю Францію? Нашла ли бы въ себѣ ту непобѣдимую силу, которую она противопоставила королямъ?